

ВСТРЕЧИ С ЗАБЫТЫМ

Судьба «Словаря русских ботаников»

М. Ш. Файнштейн

Архив Российской академии наук.
Санкт-Петербург

МНОГИЕ, кому еще 10 лет назад приходилось бывать в Ботаническом институте АН в Ленинграде, считали своим долгом повидать Сергея Юльевича Липшица. И не только, чтобы обменяться научными новостями. Сергей Юльевич скорее, чем кто-либо другой, мог помочь советом, где найти данные о том или ином исследователе растений. Было также известно, что он не только отличный ботаник, но и большой знаток живописи. Те же, кому довелось быть в его небольшой комнате в коммуналке на Московском проспекте, поразились,

Сидят: В. А. Комаров, Е. Г. Бобров, С. Ю. Липшиц, Н. В. Павлов. Стоят: В. С. Парецкми, Л. Е. Родин. 1940 г.

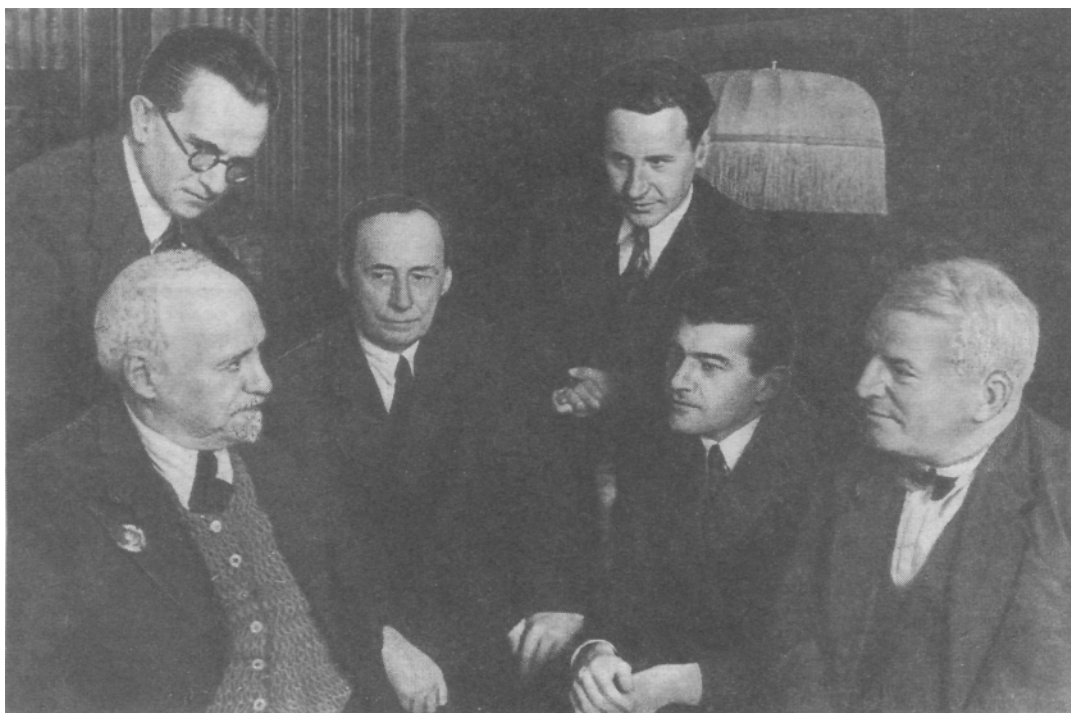
встретив здесь настоящий музей изящных искусств.

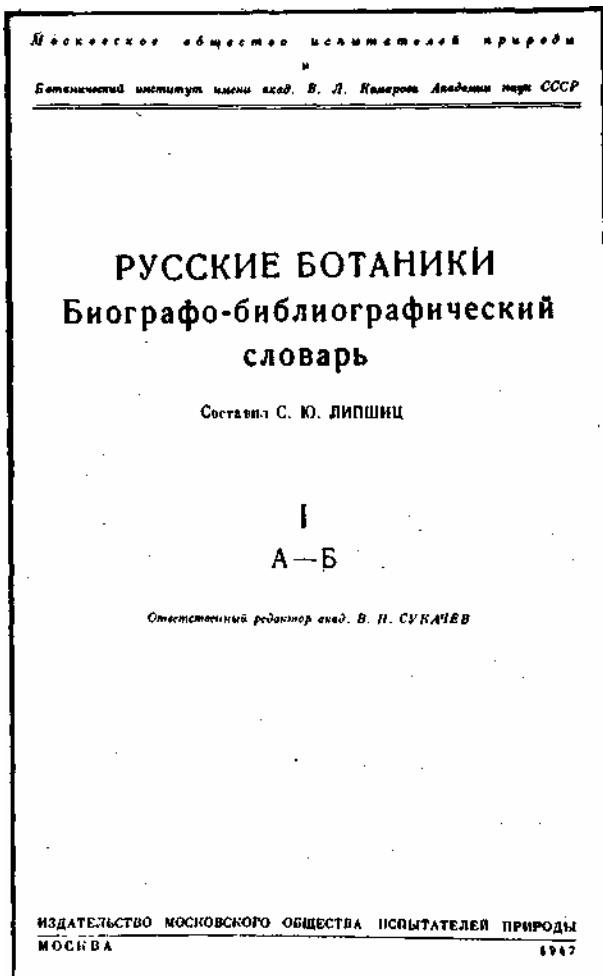
Иконы XVI в., картины и рисунки Репина, Левитана, Врубеля, Кустодиева, Петрова-Водкина, изумительные миниатюры XIX в., редкие книги по всем отраслям знаний и истории искусств хранились тут. (Немногие знали, что Сергей Юльевич был двоюродным братом знаменитого французского скульптора Жака Липшица, друга Пабло Пикассо.) Неординарным человеком и ученым был С. Ю. Липшиц.

Перу его принадлежало 160 работ по систематике высших растений, геоботанике, биографические статьи о русских ученых и их исследованиях, очерки по истории отечественной ботаники. Сергей Юльевич не принадлежал к когорте ка-

бинетных ученых. Выпускник Московского университета, он в 1927–1935 г. участвовал в многочисленных экспедициях на Южный Урал, Дальний Восток, в Среднюю Азию. Их результатом стали работы о растительности Джунгарских ворот и северо-востока Джунгарского Алатау, ранее почти не изученной, а также Камчатки. Среди них особенно ценна книга «Почвенно-ботанические исследования и проблема сельского хозяйства в центральной части р. Камчатки» (1937), созданная совместно с почвоведом Ю. А. Ливеровским. Книга содержала очерк растительности региона, этноботанические и другие сведения.

Как систематик, Сергей Юльевич не был узким специалистом – он описывал новые виды мареновых, гречишных,

Титульный лист «Словаря».

крестоцветных, розоцветных. Доминирующим в его исследованиях было изучение сложноцветных. Начало этому было положено во время экспедиции в Среднюю Азию в связи с поисками отечественных каучуконосов. На этой стезе лучшая работа Липшица — о знаменитом по прессе того времени каучуконосном одуванчике коксагызе (1934). Предисловие к ней написал Н. И. Вавилов. Все известные к тому времени сведения о коксагызе собраны в этой книжке.

Весной 1937 г. Сергей Юльевич стал ученым секретарем Московского общества испытателей природы, которому отдал свыше 13 лет интенсивной

работы. Кроме всего прочего, он организовал здесь издание «Исторической серии» и привлек к участию многих крупных ученых. Под его редакцией появились книги о Ф. В. Геблере, И. Н. Горожанкине, Н. А. Зарудном, Г. С. Карелине, И. П. Кирилове, Н. А. Северцове, Х. Х. Стевене, Г. И. Фишере фон Вальдгейме. В 1940 г. Липшиц опубликовал большую работу «Московское общество испытателей за 135 лет его существования», где изложена история этого старейшего в стране научного объединения.

В 1939–1942 г. Липшиц — научный редактор Большой и Малой Советских Энциклопедий, где сам поместил около 200 заметок и статей. В 1942–1945 гг. он заместитель

ответственного редактора «Ботанического журнала».

Можно сказать, что Сергей Юльевич являл собой своеобразный информационный ботанический центр. И только ему была под силу такая работа, как подготовка и издание «Словаря русских ботаников». Идея такого справочника оформилась в середине 30-х годов, а первые материалы для словаря он начал собирать еще в 20-е годы. Он должен был вместить научные биографии всех отечественных ученых-ботаников прошлого и настоящего. Работа осложнилась войной. В 1942 г. Липшиц через журналы «Советская ботаника» и «Природа» попросил ботаников прислать в МОИП автобиографические сведения и списки трудов.

Справочник должен был состоять из 10 томов. Липшиц рассчитывал поместить в нем статьи примерно о 8 тыс. ученых, а коротких биографических справок — около 50 тыс.

После многолетней упорной работы составитель выпустил в свет в 1947 г. два первых тома и подготовил к изданию еще шесть. Третий и четвертый тома напечатаны в 1950 и 1952 г. Но на этом дело заглохло. И не по вине составителя.

Если обратиться к вышедшим томам «Словаря русских ботаников», нельзя не отметить его исключительную обстоятельность. Он привлёк внимание биологов не только у нас, но и за рубежом. По объему сведений ему до сих пор нет аналогов. Позднее американские ученые утверждали, что такая работа по силам только целому институту. В этом нет ни грани преувеличений.

Тогда почему же издание было приостановлено? Читатель знает, что это были за годы. Они принесли нам постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград», гонения на «космополитов», «ленинградское дело» и «дело врачей». И вот в период подготовки печально известной сессии ВАСХНИЛ 1948 г. стали раздаваться голоса о странном подборе автором словаря своих «героев». Среди них, оказывается, были и «враги народа». Такие, например, как Р. И. Аболин, С. М. Верушкин. Ходили слухи,

что в свой словарь Липшиц поместил и Н. И. Вавилова.

На самом деле, это имя было исключено цензурой из второго тома. К счастью для истории, оно осталось в корректурном экземпляре словаря. И если обратиться к нему¹, можно увидеть, насколько обстоятельна статья о Николае Ивановиче. Липшиц постарался представить все данные о научных трудах и деятельности репрессированного ученого. Удивительно и то, что в статье приведены дата и место смерти Н. И. Вавилова (26 января 1943 г., Саратов). Сегодня мы знаем, что это неточно. И все же решиться на это было настоящим подвигом. Можно себе представить, как сложно было в 1945–1946 гг. получить эти сведения. Остается только гадать, кто помог в этом Сергею Юльевичу.

История с попыткой напечатать статью о Вавилове в словаре ботаников получила огласку. Узнал об этом и Сергей Иванович Вавилов. Сергей Юльевич рассказывал мне, что через близкую знакомую президент АН поблагодарил автора словаря за память о брате. Об этом

следует помнить в особенности потому, что, по словам Сергея Юльевича, президент ежегодно в день рождения брата получал анонимную записку с вопросом: «Каин, где брат твой Авель?» Сергею Ивановичу это приносило невыносимую душевную боль: в те страшные годы он помогал не только семье брата, но и многим другим преследуемым.

Составитель, конечно, знал, чем грозит ему такая объективность. Но поступить иначе, обойти молчанием достойные имена он не мог, хотя и дорого заплатил за это. В 1950 г. он был вынужден уйти из МОИП. Перебиваясь случайными заработками, продолжал работать над следующими томами словаря. Осенью 1952 г., когда была уже готова корректура пятого тома, над словарем и его автором стали сгущаться тучи.

В ЦК КПСС с отчетом по поводу «идеологически вредного издания» были вызваны главный редактор словаря академик В. Н. Сукачев и вице-президент МОИП академик П. А. Баранов. На совещании присутствовал секретарь ЦК Сулов. Академиком задавали разные вопросы: почему историю русской ботаники пишет Липшиц, почему словарь наполнен

«врагами народа», «блэозмигрантами» и «иноземцами» и т. д.? Баранову и Сукачеву с трудом удалось отстоять составителя, но судьба издания была решена.

А в начале 1953 г. Сергея Юльевича посетили «гости» и «арестовали» имевшиеся в доме картотеки, пообещав разобраться, нужен ли стране в период ожесточенной борьбы «Словарь русских ботаников». «Визитеры» не знали, что несколько картотек имелось еще в МОИП. Это спасло часть материалов. Со дня на день ожидал автор словаря нового визита. Но, на его счастье, после смерти Сталина напряжение несколько спало.

Весной 1953 г. с помощью академика Баранова Сергей Юльевич перебрался в Ленинград – в Ботанический институт АН СССР. В конце 50-х – начале 60-х годов в институте пытались продолжить издание «Словаря русских ботаников», но безрезультатно: не хватало «арестованных» картотек. Впоследствии, вспоминая об этом, составитель говорил, что во всей этой истории есть только один позитивный момент – в словарь не вошел Лысенко, оставшийся в «арестованном» пятом корректурном томе.

¹ Архив РАН. Ф. 875. Оп. 1. Д. 33. Л. 6.